

которая началась задолго до победы марксизма и социализма. Особенностью России было то, что идеи, возникающие на российской почве, всегда были замешаны на вере и психологии, что приводило к мифологизации сознания.

Формирование русского менталитета определяется четырьмя основными факторами: а) экстремальными условиями выживания на просторах Евразии – климатическими, географическими и геополитическими, б) гипертрофированной ролью государства; в) православием как основой духовности; г) поисками цивилизационной идентичности, постоянными колебаниями между Западом, Востоком и самобытностью; Россия претерпела вызов природы, вызов Азии и вызов Запада, каждый из которых наложил отпечаток на формирование национальной культуры и менталитета, побудив страну развиваться экстенсивно, укрепив православие как основу русской духовности.

Жиров М.С.

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Белгород, Россия*

ОТКРЫТЫЙ МИР: ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ БЕЛГОРОДЧИНЫ

Никогда не имевшая отдельного статусного значения народная культура русских регионов, в том числе Белгородского, вопреки всем объективным и субъективным факторам, выжила, сохранив многие уникальные памятники духовной и материальной культуры в таких ее проявлениях как фольклор (песенный, инструментальный, хореографический, устно-поэтический, празднично-обрядовый), традиционное декоративно-прикладное, художественно-прикладное и изобразительное народное искусство, бытовое художественное любительское творчество, художественная самодеятельность. Более того, многие из этих структурных элементов имеют вполне конкретный мир явлений народной культуры: от архаичных и традиционных форм – до включения в себя множества новых, обладающих ярко выраженными свойствами и характеристиками.

Народная художественная культура Белгородчины – явление чрезвычайно сложное и многогранное, обладающее большим внутренним единством, и в то же время она глубоко индивидуальна и специфична в региональном аспекте ее рассмотрения. Места традиционного бытования народной художественной культуры края имеют особое своеобразие народных песен, инструментальной музыки, хореографической пластики, говора, обычаев, праздников, обрядов, одежды, декоративно-прикладного

творчества. Еще явственнее обнаруживается это своеобразие в отдаленных друг от друга районах области, что обусловлено «встречей» на одном географическом пространстве культуры славян, русских, украинцев, белорусов, поляков, литовцев, степняков, образовавших неповторимый культурно-национальный комплекс, для которого характерна упорядоченность пространства, особый хозяйственно-бытовой уклад жизни, традиционные представления о мироздании: земле, небе, воде, человеке.

Временная и пространственная динамика волнообразной концентрации разного типа культур в крае охватывает исторический период последних пятисот лет. Общее дело отстаивания и освоения своих земель и славянских принципов жизни на территории бывшей Белгородской засечной черты способствовало синтезу «старых» (остатки культуры Киевской Руси, культура степняков и проживающих здесь народностей в X-XI веках) и «новых» культур: русской, украинской, белорусской, польской, литовской, завезенных вместе с переселенцами в XVI-XVII веках. Такое широкое представительство культур на территории края позволяет выявить ее связи со славянской, языческой культурой, доминировавшей вплоть до принятия христианства.

Так, музыкально-этнографическая работа в регионе в последнее десятилетие выявила бытование древнего жанра святочных подблюдных песен. Особый интерес представляют и мало сохранившиеся даже в северных регионах России образцы песен-колядок с припевом «виноградье – красно-зеленое», зафиксированные, в частности, в Грайворонском районе. Слово «виноградье» в народной поэзии имеет значение символа плодородия и обилия, любви и брачной жизни. Отголоски северянских «игрищ межю селые» ясно просматриваются в песнях, записанных в Ивнянском, Ракитянском, Прохоровском районах, где дается конкретное описание умыкания невесты: бояре, «город завоевавши, деревню разоривши, Татьянушку взявши». Рудименты древнего обряда брачных отношений древлян нашли отражение в традиции межсельских игр, плясок, вождения танков и карагодов на «грянях».

Важно отметить развитость социальной организации и практический смысл подобных игрищ, которые не могли появиться в одночасье, а значит, имели длительную предысторию. О глубинных мифологических истоках песенного фольклора края свидетельствует традиционное обращение к Ладу, Ладе, Леле – покровителям мира, благополучия, согласия, любви; судьбоносным силам природы, растениям, животным. К примеру, в селе Мальцевка Корочанского района нами зафиксирован образец святочной комедийной сценки «Коза», по ходу действия которой она «умирает» и «воскресает». Сейчас трудно восстановить глубинный смысл обряда. По всей вероятности, в этой

ритуально-игровой форме передавались древние представления о смерти как конце старого и «воскрешении» нового года, а потому – далеко не случайно наше представление о козе как символе плодородия: «Где коза ходит, там жито родит», «Где коза хвостом, там жито кустом», «Где коза рогом, там жито стогом».

Об архаике традиционных обрядовых песен календарно-земледельческого цикла свидетельствуют напевы простейшего склада, построенные на повторности двух-трех интонаций или мелодических оборотов. В традиции «кликать Коляду», «гукать и провожать Мороза», «сеять из рукава» семена зерновых в «Красный» угол избы под архаичные песни-пожелания: «А дай, Бог, тому, кто в этом дому, ему рожь густа, рожь ужимиста», – по окончании которых колядующие перевоплощаются в наседок; похлестывать для здоровья освященной вербой веточкой детей и домашнюю живность под ритмизованные приговоры; в выпечке обрядовых «птюшек», «лестничек», приготовлении ритуальной еды; в обилии мотивов, связанных с сельскохозяйственными работами – содержатся характеристичные свидетельства того, что в сознании наших предков святые христианского пантеона и языческие боги находились в довольно близком соседстве. Это свидетельствует о взаимодействии двух культур, их ассимиляции и в результате о формировании яркой этнокультурной художественной системы, нашедшей глубокое отражение, в частности в музыкально-обрядовом фольклоре края, декоративно-прикладном творчестве, в единой системе календарных и семейных праздников и обрядов, доминировании «алилешных» песен хороводного, плясового и свадебного жанров, в особой приверженности к исполнению различных ритмических украшений ногами во время «игры» скорых песен и, особенно в плясках. «Играть» песню по-белгородски – значит воспроизводить текст в соответствии с музыкальным ритмом, мелодикой, хореографической пластикой и драматическим действием.

Сохранившиеся в образцах местного песенного фольклора, устного поэтического творчества, упоминания о «севряках», «смердах», «горюнах», «цуканах», «мамонах», «саянах», холопах, казаках, крестьянах, боярах, военнотружильцам люди подтверждают мысль о восприятии и переработке на русской почве различных этнических традиций, актуализируя тезис о формировании народной художественной культуры края в аспекте ее полистадиальности, полисоциальности, сословного фактора. В этой связи, применительно к песенному фольклору, для нас ценно заключение Н.М. Лопатина о том, что народная песня создавалась не исключительно простонародьем «в иных народных песнях видны следы образования их в среде боярской, в среде военнотружильцев» [5, 66]. О сословном факторе формирования южнорусской песенной традиции, в частности, писала в своей статье «остатки боярских песен» Н.С. Кохановская, отмечая следы высокомерия,

пренебрежительного отношения к низшему сословию смердов в песне «Отдал меня батюшка за смердова сына».

По данным писцовых книг, в «Списках населенных мест» городов Белгородской засечной черты упоминаются «севрюки» и «горюны». Вполне вероятно, что именно эти этнические группы, некогда населявшие территорию края, и есть потомки древних северян, поселения которых находились в Путивльском уезде Белгородской (впоследствии Курской) губернии, а ныне – Сумской области. А.И. Соболевский считает их потомками старых северян, уцелевших от татарских набегов в северном Полесье [9].

Эти предположения обоснованы анализом говоров и народного костюма «горюнов», многие детали которого сохранили отзвук древнерусской традиции. Так, комплекс женской одежды включал в себя «чохву» (рубаша с длинными рукавами – ниже кистей рук), «понеуплахту» с «хвартушкой», «наметку» (белое полотенце, которым укрывали голову). Девушки носили венки или «тканки» (парчовые или вышитые серебром полосы) с лентами, опускающимися на спину, а поверх – платки, к которым накладывались узкие венчики из гусиных перьев. Несмотря на многие сходства с культурой других народов (украинцев и белорусов), эти гипотетические потомки древних северян смогли сохранить свою самобытность вплоть до XX века [13].

Пока нет единого мнения ученых о происхождении другой этнической группы великорусов – «саянов», поселения которых были разбросаны в основном в северной части курских земель. Однако исследование подтверждает, что существенным чертам говора «саянов» близок язык жителей Болховца и Карповки, которые весьма своеобразно произносят звуки «ц» и «щ», заменяя их звуком «с». Например, «улиса» – вместо «улица», «заяс» – вместо «заяц» и так далее. Такой диалект был характерен также для жителей слобод Жилой и Савино близ Белгорода. Отголоски этого говора сохранили старожилы ряда сел Грайворонского района (Пороз, Доброе, Почаево) и села Фощеватово Волоконовского района.

Комплекс традиционной женской одежды «саянов» также свидетельствует о древности этой этнической группы, так как включает сарафан, «саян», «чепец» и «повязку» (головные уборы женщины и девушки), «коты» (грубые кожаные башмаки) и «черевики» (кожаные легкие туфли с «махорчиками»). По всей вероятности, саянские поселения в крае образовались в результате миграционных потоков в XVI–XVII веках из ближайших южнорусских городов.

Вплоть до XX века на территории районов, примыкавших к Воронежской и Курской губерниям, проживали «цуканы», названные так за характерное «цоканье» говора, замены звука «ч» на «ц» и наоборот («черква» вместо «церква», «целовек» вместо «человек»). Традиционный

женский наряд цуканов также нес на себе печать глубокой старины – красная понева, рогатая кичка, длинный передник («запон»). Симпатиями у соседей великорусов цуканы не пользовались. Они презрительно называли их «хамами», «выворотными»: «...они мрачны, грубы и живут грязнее своих соседей. Их речь медлительна (как и походка), тон ее низкий: кажется, будто говорящие стараются прижать подбородок и нарочно говорить басом» [10].

И по сей день отголоски некоторых локальных этнических групп великорусского населения ощутимы в говоре местных жителей края. Например, в районах Белгородско-Курского региона – «евунов» с их характерным «ево», «каво», «чаво»: в Красненском и Губкинском районах – «шекунов», говорящих «що» вместо «что»; в Старооскольском, Алексеевском, Новооскольском районах – «ягунов» («каго», «яго», «ион» вместо «он»). И хотя диалектные особенности говора «шекунов» и «ягунов» не были столь отличны друг от друга, они сильно различались «... в наружности и больше всего в покрое одежды... Разность между шекунами и ягунами так велика, что они никогда не вступают в родственные связи друг с другом, не имеют дружественных отношений между собой...» [7]. Не вызывает сомнения и факт проживания во второй половине XVII в. в бассейне реки Корени (левого бережного притока Северского Донца) в селах Ломово, Заячье, Мазикино, Свиридово, Тюрينو, Новая Слободка Корочанского района древней группы великорусов – «мамонов», упоминаемых в исследованиях Л.Н. Чижиковой [12].

Известно, что еще в середине XIX века этнические группы на территории края жили обособленно друг от друга и окружающего населения в силу этнических и социально-экономических факторов. Помимо различий в говоре, одежде, образе жизни, бытовом укладе они были выходцами из разных регионов России и принадлежали к разным слоям крестьянства. Так, упоминаемые нами «саянь», «горюны», «цуканы» и «мамоны» принадлежали к категории монастырских крестьян, то есть находились в крепостной зависимости у монастырей. Рядом жили помещичьи крестьяне и однодворцы со своим определенным социальным статусом, традициями, укладом жизни.

По утверждению историка М.А. Тихомирова, вольная колонизация в крае предшествовала правительственной, монастырской, помещичьей. Изучая содержание грамот о составе населения первых военных городов на Белгородской засечной черте, Д.К. Зеленин установил, что на степную окраину Московского государства чаще всего попадали «сведенцы» – служилые люди из ближайших населенных пунктов. Диалектологи обнаруживают в южнорусских говорах некоторые общие черты с украинским и белорусским языком, что объясняется украинской и белорусской колонизацией южных рубежей Московского государства.

«Памятники» этой культуры ярко прослеживаются и сегодня в народной одежде населения ряда районов области – Вейделевского, Валуйского, Волоконовского, отчасти Чернянского и Красногвардейского, где встречается вышивка красно-черными нитями.

Как известно, в 1639 году в Короче, Белгороде, Валуйках, Коротожке, Урыве, Яблонове были поселены «черкасы» [2]. До сих пор в ряде регионов области их потомки составляют целые населенные пункты, которые говорят на ломаном украинско-русском языке. В 1652 году по приглашению царя Алексея Михайловича на Белгородскую черту прибыли Заднепровские казаки в количестве 1000 человек под руководством полковника Дзиньковского [3]. В связи с этим необходимо указать на массовый переход украинцев в пределы русских земель, который начался во второй половине XVI века, когда социально-религиозный гнет польско-литовской и украинской шляхты стал особенно жестоким.

Безусловно, это способствовало смешению и взаимопроникновению двух культур, проявившиеся особенно заметно в устройстве крестьянского дома, в традициях кухни, диалекте, фольклоре, обрядах и праздниках. Однако многие самобытные черты традиционной народной художественной культуры края сохраняются в ярко выраженной форме и в настоящее время. На это обратил внимание еще А.И. Соболевский. В работе «Русский народ как этнографическое целое» исследователь указывает на то, что точных границ между тремя славянскими народами, как правило, не наблюдается: есть районы (пояса) переходные, где сочетаются признаки и того, и другого народов. И тут же Соболевский вносит в свое заключение существенную поправку: «Точная граница может быть проведена только между великорусами и малорусами в тех местах, где и те, и другие – поздние пришельцы, где они столкнулись не раньше XVII столетия. Здесь у этнографа обычно не бывает никаких затруднений: одну деревню по ее языку и быту он может смело и решительно назвать великорусскою, а ее соседку, также на основании ее языка и быта, он называет малорусскою» [9, 12]. Это утверждение обосновывают и материалы музыкально-этнографических экспедиций в села Белгородчины, свидетельствующие, что традиционная народная культура сохраняет свои индивидуальные особенности. Прямое украинское воздействие на нее ощущается только в более поздние исторические периоды. И, напротив, типичные признаки южнорусской традиции удалось зафиксировать участникам экспедиции Московской консерватории на территории Украины. Это еще одно из предположений о том, что только потомки славян-степняков могли принести с собой в южнорусские пограничные города традиции, корни которых уходят ко временам единства юго-восточных славян в эпоху образования Киевского государства. Существенным подтверждением этого предположения

является и народная одежда края в композиции, загадочном орнаменте, широкой цветовой гамме которой отложилось родство человека с богатейшей природой края, опытом предков-землепашцев. Достаточно сказать, что основным типом женской одежды в крае была понева, упоминание о которой встречается в древнерусских рукописях. Находим и одно из ранних изображений поневы на браслете из рязанского клада XII века. Понева восходит к одежде исконно славянского земледельческого населения, которое занимало правобережье Дона и его притоки. Она была распространена по всей южнорусской территории. Аналогична точка зрения В.М. Щурова: «Род женской одежды типа поневы встречается у всех трех восточнославянских народов (запаса у украинцев, плахта у белорусов)» [13, 45].

Порубежный характер края определял единый образ жизни «служилых людей южнорусского пограничья XVI-XVII веков, основными занятиями которых были ратный труд и землепашество». Следы пребывания в крае «служилых по прибору» (крестьяне, «нетяглые охочие люди», посадская беднота, свободные «казаки») сохранились в названиях сел, деревень, полей: Стрелецкое, Казацкое, Пушкарное, Драгунка, Солдатское по существу они и составляли низший разряд служилого сословия (стрельцы, солдаты, пехотинцы и артиллеристы, пушкари, затинщики, кузнецы, плотники, воротники). Соответственно разрядам за свою службу и на время службы «служилые люди» получали жалованье и земельные наделы. По своему хозяйственному и служебному положению «служилые люди» порубежных городов мало чем отличались друг от друга и по сути приравнивались к «детям боярским». Однако традиции «детей боярских», входивших в разряд «служилых по отчеству», моральный вес которых среди служилого люда был значительным, оказали заметное влияние на развитие народной художественной культуры края. Отголоски этого влияния заметно ощутимы сегодня в говоре жителей ряда сел Алексеевского, Красненского, Красногвардейского и Новооскольского районов (наличие мягкого «к» в конце слова, например «печкя», «внучкю»), в поэтике песенного фольклора.

Безусловно, определенное влияние на формирование народной художественной культуры края оказали и служилые люди «по прибору», обращенные в 1724 году указом Петра I в «однодворцев», владевшие землей по частному «четверному праву». Это выгодно отличало их от простых «экономических» крестьян и ограничивало проникновение в среду «четвертников» представителей других сословий. Поэтому наряду с выявлением целостной этнографической зоны края, обозначенной этнографами, лингвистами, фольклористами термином «южнорусская», целесообразно выделить и ее основные территориальные локусы: Белгородско-Курский, Белгородско-Воронежский, Белгородско-Оскольский, обусловленные этнографическими, природно-

климатическими особенностями, социально-бытовым и хозяйственным укладом жизни коренного населения. Синтез этих факторов способствовал формированию стилевой общности и единства народной художественной культуры края в целом и особого своеобразия каждого из трех вышеназванных регионов области.

Традиционный народный костюм края – это также живая история, с совершенно определенными в каждом регионе области комплексами (поневный и с андаракон в Белгородско-Воронежском регионе, сарафанный – в Белгородско-Курском, «парочка» (юбка с кофтой) – в Белгородско-Оскольском), поэтическое предание, в котором оживает значительный и мудрый язык старинного орнамента, где отложилось родство человека с землей и небом, с чередой времен года, с их пестрой цветовой гаммой. Невольно вспоминаются и парящая птица, и Матерь Берегиня, и «Древо Жизни», с древнейших времен воплощаемые в местном «узорочье», подтверждая слова В.В. Стасова о том, что у народа орнамент никогда не заключал ни единой праздной линии, а потому – каждая черточка, каждый мотив имели свое значение и свои функции. Ввиду этого народную одежду можно рассматривать как вещь и как знак, характеризующий человека, этнос, эпоху в ракурсе историко-культурологических, этнографических, социально-бытовых процессов.

Для осмысления этого процесса обратимся к песне, записанной в селе Подсерднее Алексеевского района, воскрешающей в памяти образ традиционной женской одежды XVIII века:

У наших воротьев, у новых, у широких.

Стояла Хведора с позументом понева.

С нитком подпояска, с канителью завеска.

Строченная кичка, золотая сорочка.

Сама бела-румяна, еще личиком полна, а бровками черна.

Молодец хороший Хведору займая,

Да на ножку ступая, чулок белый марая.

Молодец хороший, не замай ты Хведору

При всем при народу, при честном хороводу.

Язык этой фольклорной песни представил нам не только детали женского костюма: понева (юбка), подпояска (пояс), завеска (фартук), сорока (головной убор), но и поведал о высочайшем художественном мастерстве и вкусе его владелицы, ее социально-общественном статусе, ибо «сороку» носили только замужние женщины, однодворки. А заключительные слова песни являют нам морально-этический образец женственности, целомудрия, внутренней красоты, достоинства.

Окружающая природная и социокультурная среда осуществили «практическую» философию народного костюма, то есть его **функциональность** – многообразие видов: сезонной, будничной, праздничной, приспособленной к климату, хозяйственному укладу,

семейному быту; **конструктивность** – предельная простота, доступность в изготовлении и экономичность в расходовании сырья. Непревзойденная **декоративность** народной одежды, то есть наличие вышивки, ткачества, кружевоплетения – еще одна характерная ее особенность, которая могла рассказать и о художественном вкусе владелицы, ее возрасте, имущественном положении семьи, материальном достатке, наличии земли, мужа, детей, особенностях характера, личностных качествах.

В этом аспекте орнамент белгородских узоров выявляет нам первосмыслы знаков-символов, знаков-оберегов, напрямую связанных с почитанием культа земли, воды, растительности, солнца, ввиду чего располагался на определенных местах: жерелке (воротнике), пазухе, рукавам и обшлагам, по подолу. Считалось, что орнамент в виде креста, круга, геометрического треугольника, ромба, квадрата символизирует силы добра, разума, мира, жизни, а, следовательно, вышивались в области жизненно важных участков тела: головы, сердца, рук, ног, в тех местах, где одежда кончалась, что вполне согласуется с их исконным назначением – магическое заклинание, стремление воздействовать на мир, дабы уберечься от злых сил, несчастья и бед.

Безусловно, не все знаки-символы, знаки-обереги сохранились на народной одежде ввиду особых геополитических, миграционных, социально-общественных процессов, влиянием массовой надэтнической культуры, глобализацией культуры, захлестнувшей современный мир. Однако, проведенные исследования, в том числе и авторские, изложенные в работе «Традиционный народный костюм Белгородчины: история и современность», дают достаточно полное представление «об изначальных орнаментальных формах, в соединении разрозненных единичных знаков в цельные художественные произведения орнаментального искусства» [8, 31], являя нам ценностно-полифункциональный феномен духовно-практической деятельности народа, выразитель его интересов и потребностей, стереотипов восприятия и мышления, рациональных и эмоциональных форм в системе соотношения коллективного и индивидуального, родового и социального, национального и общечеловеческого.

Как показывает исследование, освоение фольклорных традиций происходило естественным путем в семье, которая выполняла все основные культурные функции: «она была производственной ячейкой; члены семьи сами производили для себя все, что необходимо для жизнеобеспечения; во многом она заменяла школу; в семье профессия и мировоззрение передавались по традиции; она была ядром социальной организации и контроля, ибо представляла собой общность, находящуюся под контролем общественного мнения окружающих; жизнедеятельность ее членов регулировалась обыденным правом (нравы, обычаи); наконец, именно она обеспечивала социально установленные формы досуга, являя

собой своеобразный аналог современного клуба по интересам, регламентируемым утвердившимися обычаями» [1, 244]. Такой уклад жизни способствовал передаче народной культуры из поколения в поколение традиционным путем «из уст в уста», от старшего к младшему, от Мастера к ученику, формируя определенную замкнутость – «консервацию» традиций внутри определенного локуса, благодаря чему мы имеем сегодня уникальное явление в русской народной исполнительской практике – фощеватовское двуххорное пение каноном свадебных песен. До сих пор в России: ни в прошлом, ни теперь подобного исполнения зафиксировано не было, равно как и самобытного хореографического движения «пересек» – особой формы полиритмии, основанной на наложении двух или более ритмов в одновременном исполнении, бытующем до сих пор в Белгородско-Воронежском регионе; ансамблевой игры на «пищиках» (жалейка), куклах, дудках, балалайках, бытованием «говеенских» танков, календарно-ориентированных хороводных песен с ярким плясовым началом и самобытной хореографией («хороводы с поясами» и «ширинки» – хороводы с рушниками); оригинальной спецификой календарных и свадебных обрядов, каждый из которых имеет свои местные особенности.

Таким образом, региональный подход в исследовании народной художественной культуры ведет нас в богатую область вариативности ее элементов, разветвленности традиций, множественности исторических типов их выражения, а вместе с этим – в сферу этнической истории в ее конкретике, сложности и загадочности. Безусловно, широкий спектр базовых вопросов этой проблематики сложен и многогранен, ввиду синкретичной, многофункциональной, ценностно-смысловой и сущностной природы всех ее составляющих. Однако именно это обстоятельство дает нам возможность междисциплинарного социогуманитарного подхода к этим явлениям в пространственно-временной онтологии их ретроспективного анализа.

Литература

1. Арнольдov А.И. Введение в культурологию. – М., 1993.
2. Боголей Д.И. Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. – М., 1987.
3. Веселовский Г.М. Острогожск и его уезд. – Воронеж, 1867.
4. Каргин А.С. Народная художественная культура. – М., 1997.
5. Лопатин Н.М., Прокунин В.П. Русские народные песни. – М., 1956.
6. Мопчков В. Некоторые провинциальные особенности в русском народном пении // Баян. – 1890. – № 4, 5.
7. Покровский В. Некоторые дополнительные сведения о жителях Ясеновской волости Нижнедевицкого уезда, 1854.
8. Пономарев П.Д. Народный костюм Воронежской губернии. – Воронеж, 1997. – С. 31.

9. Соболевский А.И. Русский народ как этнографическое целое. – Харьков, 1907.
10. Халанский М.Г. Народные говоры Курской губернии // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. – СПб., 1904. –Т. XXV.
11. Чижикова Л.Н. Русско-украинское пограничье. – М., 1988.
12. Чижикова Л.Н. Традиционная женская одежда русских в Белгородской области / Институт этнографии // Полевые исследования 1977 года. – М., 1979. – С. 9.
13. Щуров В.М. Южнорусская песенная традиция. – М.: Сов. композитор, 1987.

Журавлева Л.И.

*Белгородский государственный технологический
университет им. В.Г. Шухова
Белгород, Россия*

РОЛЬ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА В РЕШЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ

В период глубочайшего экономического кризиса 1929-1933 гг. пытались привычными мерами, поддержанием сбалансированного бюджета и устойчивого валютного курса, привести экономику своих стран в состояние равновесия. Но неоклассическая политика демонстрировала полную несостоятельность, требовались новые подходы. Именно в это время получили популярность идеи Дж. Кейнса о необходимости государственного регулирования.

Современная экономика также подвержена действию экономических кризисов, но не только это обстоятельство побуждает нас вновь и вновь обращаться к кейнсианским идеям государственного регулирования экономики, важное значение имеет исторический опыт. Так, в России в конце XIX века в отличие от Запада был большой государственный сектор хозяйства. В его состав входил Российский государственный банк, 2/3 железных дорог, огромный земельный фонд, в том числе 60 % лесов, много промышленных предприятий [3, 50]. Во главе банковской системы России стоял Российский государственный банк. Банк мог эффективно контролировать акционерные банки, нейтрализовать влияние иностранного капитала в них.

Русское общество всегда развивалось по иерархическому принципу, было основано на вертикали верховной власти, его органичными элементами были авторитет старейшин, соборность, общинность, стремление к социальной справедливости, принцип сопричастности к судьбе страны, приоритет общественных интересов. Обеспечение этих принципов возможно только государством.